

случае душа твоя любезна дьяволу, и ни одна проказа не может быть столь гнусна. Кроме того, когда человек умирает, тело его излечивается от проказы; но, если он умирает, совершив смертный грех, он никогда не может быть уверен, успел ли он при жизни раскаяться и искупить его, чтобы Господь даровал ему прощение. Следовательно, он куда больше проказы должен бояться греха, который может длиться так долго, пока Господь обитает в раю. Так что я со всей серьезностью прошу тебя, – добавил он, – ради любви к Господу и ради любви ко мне готовь свое сердце, пусть оно примет любую беду, которая может постичь твое тело, будь то проказа или любая другая болезнь, – но только не смертный грех, который завладеет твоей душой».

В другой раз король спросил меня, омывал ли я ноги беднякам на Страстной неделе. «Ваше величество, – воскликнул я, – что за ужасная идея! Я никогда не буду мыть ноги низшему сословию». – «В самом деле, – сказал он, – говорить об этом очень непросто, но ты никогда не должен отвергать того, что делал Господь, подавая нам пример. Так что я прошу тебя, первым делом из-за любви к Богу и лишь потом из-за любви ко мне – приучи себя к омовению ног беднякам».

Этот добрый король так любил людей, которые почитали Бога и любили Его, что он назначил Жиля ле Бруна, который был родом не из его владений, верховным коннетаблем Франции, потому что из-за веры в Бога и преданности Его заповедям он обладал очень высокой репутацией. Другой человек, мэтр Робер де Сорбон, знаменитый своим благочестием и ученостью, благодаря этим своим достоинствам был приглашен обедать за королевским столом.

Когда мы с почтенным священником сидели рядом за обедом и о чем-то тихо беседовали, король укорил нас, сказав: «Говорите вслух, а то ваши соседи могут подумать, будто вы говорите о них что-то плохое. Если в застольной беседе ваши суждения могут всем доставить удовольствие, то говорите о них громко – или же храните молчание».

Когда король бывал в шутливом настроении, он мог забрасывать меня вопросами, как, например: «Сенешаль, можете ли привести мне причины, по которым умный и порядочный мирянин лучше, чем монах?» Таким образом между мэтром Робером и мною началась дискуссия. Мы уже некоторое время вели спор, когда король высказал свое мнение. «Мэтр Робер, – сказал он, – я охотно обрел бы известность, как умный и порядочный человек, в том случае, если я в самом деле являюсь таковым, – а вы можете забирать все остальное. Ум и порядочность – такие прекрасные качества, что даже при упоминании их во рту остается приятный вкус».

С другой стороны, он всегда говорил, что безнравственно прибирать к рукам собственность другого человека. «Приобретать», – говаривал он, – такое тяжелое дело, что даже при произнесении этого слова першит в горле, потому что в нем есть буква «р». Это «р», так сказать, словно грабли дьявола, которыми он подтягивает к себе всех, кто хочет «приобрести» то, что они забрали у других. Дьявол же делает все это очень тонко; он работает на крупных захватчиков и грабителей таким образом, чтобы они отдавали Господу то, что хотели вернуть людям».

Как-то король вручил мне послание для передачи королю Тибо, в котором он предупреждал зятя быть осторожнее, а то ему придется взять на душу тяжелый грех в виде чрезмерных трат денег на строительство дома для монахов-доминиканцев в Провансе. «Умный человек, – сказал король, – имеет дело с их собственностью, как и полагается душеприказчику. Первое, что делает хороший душеприказчик, – это разбирается с долгами покойного и возвращает чужую собственность – и лишь потом свободен прикидывать, сколько остается денег на цели благотворительности».

На Троицу благочестивому королю довелось быть в Кор-бее, где собрались все короли. После обеда он спустился во двор около часовни и стоял у дверей, разговаривая с графом Бретенским, отцом нынешнего графа – да хранит его Господь! – когда повидаться со мной пришел мэтр Робер де Сорбон и, подхватив обрез моей накидки, подвел к королю. Я сказал мэтру: «Мой добрый сир, чего вы хотите от меня?» Он ответил: «Я хотел бы спросить вас – если король сидит в этом дворе, а вы выйдете и сядете на скамейку, оказавшись выше, чем он, строго ли вас осудят за это?» Я сказал ему, что, должно быть, так и будет. «Вы в самом деле заслуживаете упрека, – сказал он, – потому что одеты богаче, чем король. На вас отороченная мехом мантия прекрасного зеленого сукна, а он таких вещей не носит». – «Мэтр Робер, – ответил я, – если вы позволите мне сказать, я никоим образом не заслужил упреков за то, что на мне зеленое сукно и мех, поскольку я унаследовал право носить такую одежду от моего отца и матери. А вот вы, с другой стороны, куда больше достойны осуждения, потому что, хотя ваши родители были людьми не знатного происхождения, вы избегаете их стиля одежды, а предпочитаете носить добротную шерстяную ткань, которой пользуется сам король». Я сравнил подкладку его мантии и той, что носил король, и ска-